

№384 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

О неверном домоправителе

2-я часть

На основе лекций Иоаннуария Ивлиева
Ленинград 1984 г

Продолжим разбор этой «трудной» притчи Христовой о пойманном на воровстве управленце хозяйством, который понимает, что его, в лучшем случае, уволят. Он решает снискать благорасположение должников хозяина, дабы стать вхожим в их дома, и предоставляет им возможность переписать свои расписки, значительно сократив задолженности. И «похвалил господин управителя неверного, что тот догадливо поступил...» (Лк. 16:8).

Этот стих всегда представлял для экзегетов целый ряд трудностей. Прежде всего, **кто такой этот хозяин «ὁ κύριος»** [о кюриос]? **Персонаж** из притчи? Или **рассказчик** - Господь Иисус? Синодальные переводчики сочли, что «господин» - персонаж из притчи. Но если это так, совершенно непонятно - **ЗА ЧТО** обманутому господину хвалить своего мошенника-управляющего, на которого он и так разгневан, а тот даже после разоблачения не кается, а продолжает обворовывать хозяина?!

Текстологический анализ показывает, что в данном случае синодалы не правы, перевод неверный, здесь всё-таки имеется в виду «Господь» **Иисус**. То есть **не господин, а Господь**.

Исследовательский метод «истории форм» довольно подробно рассматривает этот вопрос, и доказывает, что **сама притча оканчивается до слов «и похвалил господин (Господь Иисус Христос) управителя неверного, что догадливо поступил...»** Последние - это уже слова автора (евангелиста Луки), обобщающего последующие высказывания Христа.

Ну а далее Лука уже **цитирует** Христа, излагает Его прямую речь-логию. Исследователи отчётливо обнаруживают в следующих стихах изменение литературной формы. Т.е., определить - где здесь рассказ **оканчивается**, специалисту вполне под силу.

Повторимся – хвалит управляющего не **хозяин-господин**, а **Господь Иисус** – рассказчик притчи.

Однако эта подробность на самом деле не облегчает нам понимание рассказа, а, наоборот, усложняет его. Если невдомёк - как мог похвалить вора обворованный **хозяин**, то ещё загадочнее - как **Христос** мог такое поощрить?! Ведь притча, как и басня - это аллегория, ино-

сказание, которое содержит в себе вечную и неизблемую мораль. А здесь, наоборот – аморализм – дескать, обманывай, и тогда Господь похвалит тебя!

Итак, Господь хвалит действия несправедливого управителя, или «управляющего неправды», и называет его поступок, как у нас переведено, «догадливым», разумным - «φρονιμός» [фронимос].

А что до несправедливого управителя, смысл выражения «ὁ οἰκονόμος τῆς ἀδικίας» [о экономос тис адикias] неоднозначен. Это либо «**несправедливый** управляющий», или «**неверный, нечестный** управляющий», либо... Форма речи здесь предполагает понимание «несправедности» не в смысле правды или неправды **ВЫСШЕЙ**, а неправды **ЗЕМНОЙ**, то есть понимать надо так: «управляющий тем, что **само по себе несправедно**». То есть, «управляющий несправедным именем». «Разумно» - «φρονιμός» [фронимос] – отражает в данном случае не моральный аспект поступка управляющего, а чисто житейский: хитрость и умение решительно действовать перед надвигающейся опасностью.

Таким образом, Господь, похвалил нечестного управляющего, квалифицировав его поступок разумным. Причём ум его заключался в том, что **ОН ОЗАБОТИЛСЯ О СВОЁМ БУДУЩЕМ**. У него следует нам учиться, ввиду предстоящего суда Божия каждому человеку. Мы в нашем скоропреходящем бытии не должны забывать о том, что приближается нечто гораздо выше, чем житейские суды и житейские дела. Приближается **суд Божий** и Божье Царствие.

(Продолжение следует)

Избегать неудовольствий

Кто бы от удовольствий отказался, если за них не слишком дорого платить. Древнегреческий философ Аристипп именно в наслаждениях усматривал смысл жизни человека, он проповедовал гедонизм («ἡδονή» [гедонэ] - «удовольствие»)

Таким образом Аристипп исповедовал самый очевидный вариант гедонистического взгляда на вещи, или так называемый **позитивный** гедонизм. А вот Эпикур, о котором Вы наверняка слышали, предложил иную трактовку гедонизма – так называемый **негативный** гедонизм. Последний заключается вот в чём. Если позитивный гедонизм призывает получать как можно больше удовольствий, то Эпикур предлагает несколько умерить свой пыл и сосредоточиться на том, чтобы максимально **избегать неудовольствий**. Значит, акцент смещается на отрицание неудовольствий, а погоня за удовольствиями – отходит на второй план. Говорят, что не в последнюю очередь Эпикур учил так потому, что человек он был очень болезненный, и основные виды традиционно понимаемых удовольствий получать не мог. Ну, если сидишь на цветной капусте всю жизнь, то тебя больше интересует, как бы хуже не было...

Но если мы внимательно посмотрим, то увидим, что это как бы две стороны одной и той же медали, потому что с философской точки зрения обсуждается один и тот же принцип, прин-

цип удовольствия, только подходы немного разные. Один призывает удовольствия стимулировать, другой ограничивает неудовольствия. А, строго говоря, речь идет о том, что поскольку удовольствие желательно, следовательно, неудовольствие нежелательно, значит, надо стремиться получать удовольствие и избегать неудовольствия. Но человека может не хватить на то и на другое сразу, то есть когда активно гоняешься за удовольствиями, то можно нажать довольно крупные неприятности. С другой стороны, когда ты стараешься **избегать** неудовольствия, у тебя не хватит сил активно гоняться за удовольствиями.

Так же может показаться, что Эпикуров принцип – сдержаннее, а позитивный гедонизм, соответственно, разнузданнее. На самом же деле, по существу, с точки зрения вечности, это об одном и том же. К слову говоря, под негативным гедонизмом и буддисты бы подписались, которых трудно заподозрить в активном поиске удовольствий. Ведь главный пафос буддизма – избавление от страданий.

Против гедонизма возражать сложно - с внешней стороны. Но штука в том, что этот принцип разоблачается изнутри. Каким образом? Дело в том, что всякое удовольствие, безусловно, может восприниматься на фоне неудовольствия. Потому что, если есть плюс, но нет минуса, то и плюса тоже никакого быть не может. Коль скоро это так, то мера, интенсивность, длительность удовольствия соответственно зависит от меры, интенсивности, длительности неудовольствия. Иначе говоря, если я буду часто испытывать удовольствие, оно **перестанет** быть удовольствием.

Вообще говоря, почему одни и те же удовольствия приедаются?

Мы сейчас не будем говорить о тех удовольствиях, которые приносят труд, творчество. Да, учёный, если он настоящий ученый, испытывает удовольствие, занимаясь наукой, но ведь он занимается наукой не ради удовольствия. Тот, кто занимается наукой ради истины, тот, кто на **службе** у науки – ему действительно не надоедает заниматься наукой. Наоборот, как правило, со временем интенсивность переживаемого удовлетворения только возрастает.

Но мы сейчас говорим о человеке, который провозгласил **переживание** удовольствий ведущим и единственным принципом, который придаёт жизни смысл. И он знает, что от **таких-то** вещей он получает удовольствие. Но удовольствие - это такая штука, которую хочется продлить. И здесь, по совершенно железобетонной закономерности, **длительность** удовольствия невозможна на фоне достаточно длительного неудовольствия, потому что длительное удовольствие при очень коротких промежутках неудовольствия – это нонсенс, так не бывает.

И от чего зависит это самое состояние «хорошо»? От контрастов. От фона, когда «нехорошо». Для того, чтобы испытывать максимально насыщенное и максимально длительное удовольствие, надо за ним очень долго и мучительно гоняться. То есть принцип начинает сам себя опровергать. Получается, что если ты

гоняешься за удовольствиями, ты обрекаешь себя на то, чтобы время твоего неудовольствия с каждым разом увеличивалось. Если для тебя жизнь без удовольствия – это не жизнь, то ты ориентирован на состояние, а состояние – оно пришло и ушло. Причём оно будет приходить надёжнее и уходить медленнее, если ты за ним долго побегаешь.

Возьмем как пример такую банальную вещь в кругу ловеласов, многократно обыгранный в литературе факт: какому-нибудь Казанове, чтобы продолжать испытывать удовольствие, каждый раз нужно что-то совершенно новое, причём желательно, чтобы дама была как можно более неприступна, чтобы он на этом три шеи сломал, иначе неинтересно. В противном случае, это повторение пройденного, и никакое не удовольствие, а сплошные разочарования.

Точно так же и во всём. Если важен феномен удовольствия как некоторое **состояние**, то законы эмоциональной механики действуют именно таким образом. Следовательно, получается, что если смысл жизни в удовольствии, то вполне логичным образом мы приходим к выводу, что тогда смысл будет состоять в том, чтобы испытывать их как можно реже. Потому что если полоса удовольствия почти непрерывна, то интенсивность удовольствия падает. Почему откровенный гедонист - это существо скучающее, которому всё быстро надоедает? Известный такой психологический тип - это человек, перегруженный всякого рода состояниями. Чтобы его что-то сильно растрясло, чтобы он пережил некий интенсивный экстаз – это надо сколько ещё изощряться, столько всего выдумывать, и потом ещё всё это воплощать, чтобы, наконец, дойти до этого экстаза, который всё равно долго длиться не сможет – на то он и экстаз, по самому значению этого слова. «Экстаз» – это то, что выбивает тебя из «тасиса», то есть обычного состояния.

Поэтому Эпикур, значит, не ошибался, когда подозревал, что погоня за удовольствиями до добра не доведет, в том смысле, что человек, гоняясь за удовольствиями, реально продлевает периоды своего неудовольствия. Поэтому Эпикур считал, что надо просто избегать неудовольствия. Не гоняться сломя голову неизвестно зачем, а тихо себе сидеть на цветной капусте, и всё будет хорошо. Запросы скромнее, зато гедонизм стабильнее.

Но это так же лишь кажущееся решение. На самом деле избегать – это ведь то же по сути, что и бегать за чем-то. Это пресловутое неудовольствие ведь не спросит тебя, когда и откуда ему прийти. Неудовольствие – это некие **внешние** от тебя обстоятельства, зачастую от тебя независимые. Ты не сможешь контролировать все свои неудовольствия, даже если будешь питаться только полезными продуктами – а их ещё, между прочим, найти надо, вырастить, и прочее. И всё это ради того, чтобы не испытать неудовольствия? То есть может получиться, что **избегание неудовольствий займёт больше жизненное пространство, нежели само состояние покоя, приносящее удовлетворение.**

Продолжение следует